

Научная статья
УДК 821.521
doi: 10.17223/19986645/97/12

Репрезентация концептуальной диады *ути/сото* (свой/чужой) в раннем творчестве Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1919)

Ксения Геннадьевна Санина¹

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, sanina.kg@dvfu.ru

Аннотация. Дихотомия *ути/сото* (свой/чужой) является определяющей для мировоззрения японцев на протяжении многих веков. С началом эпохи всеобъемлющих перемен в 1868 г. эта концепция приобрела ещё большее значение, поскольку данный период характеризовался столкновением японского общества с реалиями доселе незнакомой цивилизации Запада. Это открытие «великого чужого» наиболее ярко отразилось в раннем творчестве Мори Огай и Нацумэ Сосэки – писателей, первыми получившими возможность отправиться на Запад.

Ключевые слова: Мори Огай, Нацумэ Сосэки, *ути/сото*, свой/чужой, японская литература, эпоха Мэйдзи

Для цитирования: Санина К.Г. Репрезентация концептуальной диады *ути/сото* (свой/чужой) в раннем творчестве Мори Огай (1862–1922) и Нацумэ Сосэки (1867–1919) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 252–264. doi: 10.17223/19986645/97/12

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/12

Representation of the conceptual dyad *uchi/soto* in early creative works of Mori Ogai (1862–1922) and Natsume Soseki (1867–1919)

Ksenia G. Sanina¹

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, sanina.kg@dvfu.ru

Abstract. This article examines the representation of the conceptual dyad *uchi/soto* (the self/the other) in the early works of two outstanding Japanese writers – Mori Ogai and Natsume Soseki. Though this binary opposition can be regarded as a universal one, *uchi/soto* is a key concept which is extremely relevant for the self-identification and worldview of the Japanese people due to the peculiarities of the geographical location and historical development of the country. *Uchi/soto* became especially significant during the Meiji era (1868–1912) when the Japanese *uchi* collided with the hitherto unknown Western *soto*. The article aims to analyze Ogai's and Soseki's creative works written while they were abroad (in Germany and England respectively) using historical-biographical approach and outline the peculiarities of *uchi/soto* representation typical for each writer. The research of these works is very important because it can show how Japanese intellectuals were reacting to the direct exposure to Western civilization after

centuries of almost total isolation of Japan from the outer world during the rule of Tokugawa (1603–1868). Ogai and Soseki were among first Japanese writers who got an opportunity to spend quite a long time abroad – Ogai spent four years in Germany as an officer of the Japanese army with a generous allowance, Soseki spent two years in England as a poor student. While in Germany, Ogai kept many diaries, but the information in the diaries is presented matter-of-factly, so the most valuable source in the context of displaying the interaction of *uchi* and *soto* is the so-called "German trilogy" consisting of three short stories. Young Japanese heroes of these stories do not experience any visible obstacles in integration with the German *soto* created by the *soto* itself – the integration can be prevented either by the pressure of Japanese society or death. The essays and short stories written by Soseki in London paint quite a different picture of the unbridgeable gap between Japanese *uchi* and English *soto* – profound sense of "otherness", tragic loneliness, rejection by English society, inability to integrate into it. Such integration is impossible *per se*, because Soseki feels insignificant, unworthy, as if he does not meet the standards of the English *soto* and is stripped of his masculinity, which leads to unsuccessful attempts to identify with English women, who clearly do not want to identify with "outsider" and this fact just deepens Soseki's feelings of loneliness, alienation and inferiority. The experience of staying abroad was undoubtedly reflected in the early works of Mori Ogai and Natsume Soseki in the context of the representation of the conceptual dyad of *uchi/soto*. Obviously, this experience was actually diametrically opposed, in which the difference in financial security and social status of Ogai and Soseki played a major role.

Keywords: Mori Ogai, Natsume Soseki, *uchi/soto*, the self/the other, Japanese literature, Meiji era

For citation: Sanina, K.G. (2025) Representation of the conceptual dyad *uchi/soto* in early creative works of Mori Ogai (1862–1922) and Natsume Soseki (1867–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 252–264. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/12

Одной из основных концепций, которая лежит в основе восприятия японцами себя, своей страны, окружающего мира и его представителей, является дихотомия *ути/сото*. Изучение данной концептуальной диады позволяет в целом лучше понять ключевые аспекты мировосприятия японцев, что несомненно является актуальной задачей, особенно учитывая экстремально обострившиеся противоречия в сфере международных отношений. Именно сегодня для многих областей знаний становится насущным вопрос о том, как воспринимают друг друга и взаимодействуют представители разных стран и этносов. Художественная литература тоже дает возможность понять нюансы такого взаимодействия на более глубоком уровне, что очевидно на примере творчества японских писателей эпохи Мэйдзи (1868–1912), в частности Мори Огай и Нацумэ Сосэки. Опозиция «свой – чужой» в основном рассматривается как отечественными, так и западными исследователями-японоведами с точки зрения лингвистики [1, 2], антропологии [3], социологии [4, 5] и т.д., литературоведческих изысканий на данную тему фактически нет.

Творчество и жизнь Мори Огай подробно рассматривались Г.Д. Ивановой [6], однако из-за глобального характера исследования, влияние пребывания на Западе на писателя в ней рассматривается достаточно поверхностно. Изучение периода, проведенного Нацумэ Сосэки на Западе, и вовсе

носит фрагментарный характер. В связи с этим можно утверждать, что раннее творчество ведущих представителей современной японской литературы Мори Огай и Нацумэ Сосэки фактически не рассматривалось в комплексе через призму концепции *ути/сото*, что придает данному исследованию научную новизну. Поскольку факты биографии писателей и историко-культурный контекст оказали большое влияние на их творчество, в ходе исследования применялись в основном биографический и культурно-исторический методы изучения литературы.

Дихотомия *ути* (в, внутри, внутренний, свой) и *сото* (вне, снаружи, внешний, чужой) крайне актуальна для самоидентификации и мировосприятия японцев на протяжении долгого времени – с тех пор, как примерно в VII в. начался процесс заимствования японцами основных мировоззренческих, этических, религиозных, культурных понятий из Китая. Оппозиция *ути/сото* является одним из таких заимствований, однако, как и в случае с другими многочисленными понятиями и явлениями, изначально пришедшими из Китая, «трансформация заимствованного происходит таким образом, что от оригинала остается его форма, а содержание меняется в соответствии с нормами и стандартами японской культуры» [7. С. 94]. Концепцию мировосприятия по принципу «свой – чужой» можно назвать универсальной, входящей «в систему нравственных ценностей любого народа, она представляет собой одну из наиболее древних культурных, языковых констант, входящих в национальную картину мира» [8. С. 793]. Однако в Японии это разделение особенно выражено, так как «категория «свой – чужой» является четкой идентификационной моделью – что я идентифицирую с собой, а что с другим человеком» [7. С. 96]. Понятие *ути* обозначает в первую очередь себя как индивидуума (слово *ути* так же имеет значение «я») и членов «ближнего» круга, тех, с кем индивидуум себя идентифицирует (прежде всего – членов семьи, а в более широком диапазоне – соотечественников). *Сото* же подразумевает всё, что находится за пределами *ути*. Дихотомия *ути/сото* является доминантной как для взаимоотношений в рамках собственно японского социума, так и для восприятия стран и культур, находящимися за пределами Японских островов [9. Р. 112].

Одним из важнейших и глобальных аспектов концепции *ути/сото* является оппозиция «Япония – внешний, в особенности западный, мир». Несколько веков «политики изоляции» во времена эпохи Эдо (1603–1868) способствовали тому, что установление отношений Японии с западной цивилизацией в эпоху Мэйдзи носило сложный и турбулентный характер. Время правления Мэйдзи резко изменило ситуацию: оно принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Японское *ути* столкнулось с огромным, чуждым и совершенно незнакомым миром западного *сото*. Знакомство с западной литературой в этот исторический период послужило стимулом для генезиса и развития современной японской литературы. Именно по этой причине репрезентация концептуальной диады *ути/сото* в художественной литературе особенно очевидна в контексте исторического

дискурса эпохи Мэйдзи, когда Япония вступила в эпоху радикальных преобразований всеобъемлющего характера [10. С. 46]. Одним из ярких примеров такой репрезентации является творчество двух крупнейших представителей литературы эпохи Мэйдзи – Мори Огай и Нацумэ Сосэки.

Огай отправился в Германию в 1884 г. и пробыл там четыре года – как военный врач он был отправлен в эту западную страну изучать гигиену. Несмотря на то, что эта стажировка помогла ему получить повышение по службе, она также положила начало его писательской карьере. Ещё до поездки в Германию Огай был увлечен литературой, прекрасно владел китайским языком и писал стихи в жанре *канси*. Пребывание в Германии позволило ему расширить свои литературные интересы. Две недели спустя после прибытия в Берлин Огай записал в дневнике: «Я решил по ночам читать как можно больше немецкой поэзии» [11. С. 27], а уже через год он написал, что прочел более 170 томов произведений западной классической литературы [11. С. 50].

К тому времени, когда Огай вернулся на родину, он настолько хорошо познакомился с европейской литературой и философией, что был готов с этими новообретенными знаниями и своими переводами произведений западной литературы, работами по теории литературы и собственными художественными произведениями выйти на авансцену литературной жизни Японии. Четыре года, которые Огай провел в Германии, стали определяющими и для его литературной деятельности, и для истории современной литературы Японии. Поэт и литературный критик Сато Харуо полагал, что 1884 г., когда Огай отправился в Германию, был годом начала развития современной японской литературы [12. С. 9].

Огай был первым из выдающихся писателей эпохи Мэйдзи, отправившимся в длительную поездку на Запад. Нацумэ Сосэки отправился в Лондон в 1900 г., Нагаи Кафу (1879–1959) уехал из Японии, чтобы посетить США и Францию в 1903 г. Пребывание Огай на Западе отличалось от того опыта, что пережили Сосэки и Кафу. Например, Сосэки чувствовал себя глубоко одиноким и финансово необеспеченным, в то время как Огай будучи офицером японской армии получал существенное материальное обеспечение, чтобы вести довольно комфортную жизнь. Его социальный статус позволял ему возвращаться в кругах высшего общества Германии, перед ним были открыты двери ведущих лабораторий в лучших университетах [6. С. 28].

Огай вел во время поездки в Германию четыре дневника: «Дневник путешествия на Запад» (Косэй никки) написан китайским письмом *канбун* и рассказывает о периоде жизни Огай с 23 августа 1884 г., когда он отбыл из Токио, до 11 октября 1884 г., когда он прибыл в Германию; «Немецкий дневник» (Доицу никки) скорее всего является японоязычной версией дневника «Записки о пребывании в Германии» (Дзайдокуки), изначально записанного канбуном – «Немецкий дневник» содержит записи с 12 октября 1884 г. до 14 мая 1888 г.; «Дневник медицинской деятельности» (Таиму никки) в основном посвящен военным и медицинским вопросам, записи велись канбуном с 10 марта 1888 г. до 2 июля 1888 г.; «Дневник возвращения на Восток»

(Канто нитидзё) также записывался канбуном, записи велись с 3 июля 1888 г., когда Огай приехал с прощальным визитом в Берлин перед отбытием в Японию, до его прибытия в Йокогаму 8 сентября 1888 г. Однако, несмотря на такое большое количество дневников, информация, которая в них содержится, часто очень лаконична и не даёт особой возможности понять душевное состояние автора. Огай в основном пишет в дневниках о погоде, перечисляет письма, которые он получил, или людей, которые его навещали и т.д. По мнению К. Бразелл, «в целом дневники Огай примечательны лишь своей сдержанностью. Дневник обычно проявляет хотя бы одну сторону личности автора, но единственное, что мы можем узнать из дневников Мори Огай о нем лично, это то, что он абсолютно не хотел представлять в них самого себя» [13. Р. 79].

В связи с этим выводы о том, как концепция *ути/ото* воплощалась в раннем творчестве Огай уместнее делать именно по его художественным произведениям, в частности по одному из самых известных произведений в истории современной японской литературы – повести «Танцовщица» (Майхимэ, 1890), а также повестям «Пузыри на воде» (Утаката но ки (Кудзоки), 1890) и «Курьер» (Фумидзукай, 1891), входящим в так называемую немецкую трилогию Огай – их действие разворачивается в Берлине, Мюнхене и Дрездене соответственно [14. Р. 382]. Для многих поколений японских читателей «Танцовщица» считается одним из первых результатов литературной модернизации Японии. Основой сюжета является дилемма, с которой сталкивается молодой японец Ота Тоётаро, обучающийся в Берлине, когда ему приходится выбирать между немецкой возлюбленной Элизой, с одной стороны, и своей карьерой чиновника, родиной и социальным статусом – с другой. «Танцовщица» часто воспринималась как призыв к рождению современного «я» (киндайтеки дзига), порожденного конфликтом современности и традиций, Востока и Запада, индивидуальных желаний и репрессивных правил и предписаний общества. Хотя Огай явно использовал автобиографический материал для создания «Танцовщицы», этот материал в повести представлен в переработанном виде, данное произведение не является образцом эгобеллетристики *ватакуси сёсэцу*. Несмотря на то, что изначально «Танцовщица» воспринималась как репрезентация конфликта карьеры и романтических отношений, учитывая личный опыт Огай, справедливо трактовать произведение с точки зрения взаимоотношений *ути* и *ото*.

Ути представлено в первую очередь главным героем «Танцовщицы», альтер эго Огай, молодым, одиноким и дерзким индивидуумом, находящимся в поиске себя и своего пути в этом мире, чье желание оставаться верным своим убеждениям и чувствам ставит его в противоречие с внешними правилами и нормами. Однако то самое японское общество, в котором превалируют правила, заставляющие главного героя по сути предать свою возлюбленную и отречься от своих убеждений, также является репрезентацией *ути*. То есть главный герой «Танцовщицы» Тоётаро является частью общности *ути*, от которой пытается сепарироваться, перейдя в сферу *ото*,

представленную его немецкой возлюбленной Элизой. Тем не менее эта попытка сепарации была обречена, поскольку Тоётаро не смог взять на себя ответственность за последствия романтических отношений с Элизой и фактически отрёкся от неё, выбрав сохранение статус кво с «большим *ути*» – японским обществом. Некоторые исследователи, например Караки Дзюндзо, интерпретируют выбор Тоётаро как воплощение ложности японской модернизации, оппортунистическое и поверхностное увлечение современными идеями без подлинного усвоения лежащих в их основе принципов [15. С. 142]. Однако нужно отметить, что несмотря на неудавшуюся попытку сепарации от *ути*, именно в «Танцовщице» впервые появляется герой способный на эту попытку – свободная, автономная личность, рискнувшая вступить в конфликт с традиционными формами коллективизма.

Что касается репрезентации *ути/сото* в повестях «Пузыри на воде» и «Курьер», можно сказать, что она не настолько очевидна и драматична, как в случае с повестью «Танцовщица», хотя сюжеты всех трех повестей отличает романтический трагизм. Однако в случае с «Пузырями на воде» и «Курьером» писатель не представляет настолько четкой картины противостояния *ути* и *сото*, как в «Танцовщице», наоборот, их герои настолько интегрированы в немецкое *сото*, что главный герой «Курьера», молодой японский офицер Кобаяси, выступает доверенным лицом, тем самым курьером для одной из дочерей графа фон Бюлова, Иды, передавая ее письмо к влиятельной родственнице с просьбой помочь попасть в качестве фрейлины в ко двору, чтобы избежать нежелательного брака. В случае с главным героем повести «Пузыри на воде», молодым японским художником Косэ, который обучается в Мюнхенской академии художеств, условно повторяется романтическая коллизия «Танцовщицы» – между Косэ и его натурщицей Мари начинают зарождаться романтические отношения. Интересным представляется тот факт, что инициатива исходит от Мари, представительницы немецкого *сото*, однако трагическая гибель девушки не дает этим отношениям развиваться.

Совершенно иную интерпретацию оппозиция *ути/сото* приобретает в творчестве Нацумэ Сосэки. В отличие от Мори Огай, у которого по утверждению Г.Д. Ивановой, «никогда не было сознания неполноценности, приниженности перед Западом» [12. С. 34], Сосэки испытывал глубочайшее, мучительное отчуждение от английского общества, его угнетала невозможность в него влиться. Сосэки болезненно переживал собственную ничтожность перед лицом британского *сото*, утрачивая ощущение маскулинности и идентифицируя себя с женщинами, поскольку многие из них были так же бедны и отвержены обществом, как он. Однако даже эти женщины не хотели отождествлять себя с молодым японским писателем – запечатленное в творчестве Сосэки одиночество во время пребывания в Англии поражает своим болезненным трагизмом.

Сосэки прибыл в Лондон в октябре 1900 г. Он был в то время молодым учителем английского языка и, получив стипендию от правительства Японии, отправился в Англию изучать английский язык и литературу. Пребывание Сосэки в Лондоне совпало с пиком могущества Британской империи,

а также с превращением Японии в мировую державу. Сосэки был свидетелем многих важных исторических событий, в том числе он наблюдал похоронную процессию королевы Виктории (1819–1901) и возвращение войск со Второй англо-бурской войны (1899–1902). В Лондоне большие надежды Сосэки быстро развеялись: его финансирование было крайне недостаточным, у него не было полезных академических связей, а его ужасная тоска по дому усугублялась суровыми условиями жизни в унылых пансионах, где он останавливался. Сосэки не мог позволить себе учиться в Кембридже или Оксфорде и быстро перестал посещать занятия в Университетском колледже Лондона, вместо этого выбрав еженедельные занятия с эксцентричным шекспироведом Уильямом Крейгом (1843–1906).

Уникальная точка зрения Сосэки, человека, восхищающегося английской культурой, но находящегося за ее пределами и отчужденного от нее, представляет особый взгляд на поздневикторианскую культуру и общество. В своих записях и воспоминаниях о пребывании в Лондоне Сосэки предстаёт глубоко одиноким, изолированным от окружающего мира человеком, который находится посреди огромного, ошеломляющего города – места скопления людей, грязи, шума и едва контролируемого хаоса. Это не такой уж необычный взгляд на городскую жизнь и отчуждение на рубеже веков, но повествование Сосэки о его жизни в Англии интригует тем, что он рисует свой образ, сравнивая себя с британцами, чаще всего, как ни удивительно, с женщинами, которые, по его мнению, разделяют его бедственное положение. То есть, хотя сам Сосэки отчужден и изолирован – и описывает это явно с точки зрения расовой и национальной изоляции – он видит, что эти переживания не чужды многим британцам, с которыми он встречается. Однако в то же время это отождествление с женщинами углубляет ощущение Сосэки своей «инаковости», отличия от других обитателей Лондона. Сложные рассуждения Сосэки о культуре, национальности и расе в его лондонских работах демонстрируют, что он одновременно и отличается от англичан, и схож с ними, что дает нам понять, что границы *ути* и *сото* не являются настолько жесткими, как это обычно представляется. Это подтверждает и тезис С.И. Лучицкой о том, что «граница между “своими” и “чужими” не определена раз и навсегда, она разворачивается в процессе исторического развития» [16. С. 122].

Наиболее известные комментарии Сосэки о его пребывании в Лондоне были опубликованы в 1907 г. в предисловии к его «Теории литературы» (Бунгакурон). Сосэки пишет: «Те два года, что я прожил в Лондоне, были самыми несчастными в моей жизни. Среди английских джентльменов я был подобен одинокой лохматой собаке, попавшей в стаю волков; я влачил жалкое существование. Я слышал, что население Лондона составляет пять миллионов человек. Пять миллионов капель масла, а я – единственная капля воды: я без колебаний утверждаю, что едва выжил! Владелец свежестиральной белой рубашки наверняка будет недоволен, если на нее попадет капля чернил. В Лондоне я был той чернильной каплей, бесцельно бродив-

ший, как нищий, по Вестминстеру. Мне жаль английских джентльменов, которым в течение двух лет приходилось терпеть, как я вдыхаю те же тысячи кубических метров атмосферы большого города, заполненной искусственными облаками, вырывающимися из дымовых труб» [17. С. 48].

В этом отрывке перечисляется несколько причин, по которым Сосэки чувствует, что он по своей сути отличается от окружающих его англичан. Он не только представитель другого, менее грозного вида – «лохматый пес» среди волков, – но и черный на фоне белого, что создает резкий контраст, который трудно не заметить из-за его расового подтекста. Сосэки видит себя чем-то инородным и нежеланным (вода в масле, чернила на белой рубашке), существующим без какой-либо цели или связи с окружающим миром. Сосэки чувствует, что он загрязняет воздух города так же, как и его фабрики, – тревожный образ расового загрязнения, сродни риторике научного расизма, появившейся в конце XIX в.

Эссе «Новости из Лондона» (Рондон сёсоку) Сосэки, написанное и впервые опубликованное в 1901 г. и вошедшее в сборник «Лондонский Тауэр» (Рондон то, 1905), точно так же отражает его острое ощущение расовых различий. Сосэки называет лондонцев «удручающе высокими», а затем замечает: «Большинство людей чрезвычайно заняты. Их головы, похоже, настолько полны мыслями о деньгах, что у них нет времени насмеяться над нами, японцами, как над желтыми людьми. (“Желтые люди” – удачный выбор. Мы действительно желтые. Когда я был в Японии, я знал, что я не совсем белый, но считал себя близким к обычному человеческому цвету кожи, но в этой стране я наконец осознал, что мой цвет кожи безнадежно далек от цвета кожи белого человека – желтый человек, который прогуливается среди толпы, направляющейся смотреть спектакли и шоу)» [18]. Сосэки придерживается западных представлений о расовых различиях, называя себя «желтым» и, следовательно, по своей сути не соответствующим нормам, недочеловеком. Сосэки также постоянно связывает свое чувство расовой и культурной неполноценности с ощущением своей неполноценности как джентльмена, маскулинной фигуры. Сравнивая японских и английских джентльменов, Сосэки комментирует: «Боюсь, что японским джентльменам крайне не хватает морального, физического и художественного образования. Как беспечны и самодовольны наши джентльмены! Какие же они щеголеватые! Как они глупы! Как они довольны современной Японией и как продолжают вести обычное население на грань вырождения!» [18].

В предисловии к «Теории литературы» Сосэки так пишет о полной невозможности соответствовать идеалу английского джентльмена: «Английские джентльмены вполне могут представлять собой образцовое собрание идеальных личностей, наделенных благородным характером и достойных подражания. Но для такого человека, как я, который провел свою юность на Востоке, гнаться за гораздо более молодыми английскими джентльменами и пытаться перенять их манеру поведения было бы все равно, что для взрослого человека, у которого уже нет гибкости в суставах, пытаться овладеть всеми ловкими приемами танцора, исполняющего танец льва. Как бы я ни

восхищался ими, как бы ни боготворил их, как бы сильно я ни обожал их, это было бы невозможно – даже если бы я решил сократить свой ежедневный прием пищи с трех до двух раз» [17. С. 40–41]. Таким образом, Сосэки признает определенную неполноценность *ути* перед лицом британского *сото*, которое в данном случае представляют английские джентльмены, подтверждая абсолютную невозможность интеграции *ути* и *сото*.

Тот факт, что Сосэки не может отождествлять себя с английскими мужчинами, своеобразная утрата маскулинности *ути* перед доминирующим *сото*, приводит к тому, что Сосэки начинает идентифицировать себя с женщинами, которых он встречает в Лондоне. Отождествление Сосэки с женщинами подчеркивает его отчуждение не только от доступных форм маскулинности, но и в более глобальном контексте от современности, которая угнетает и отталкивает его, будь то в Англии или Японии.

Явное отождествление Сосэки с англичанками, которых он встречает в Лондоне, дает ему ещё одну возможность ярко выразить свое ощущение инаковости. В небольшом эссе «Жилище» (Гэсюку), первоначально опубликованном в сборнике «Очерки о долгих весенних днях» (Эйдзицу сёхин, 1909), Сосэки описывает свою первую лондонскую резиденцию в Западном Хэмпстеде. Он детально описывает свою квартирную хозяйку, несчастную, измотанную заботами женщину, которая принимает постояльцев, чтобы пополнить скромный доход своей семьи, особо отмечая, что «её черные волосы и глаза совсем не вязались с этой северной страной» [19]. Сосэки таким образом отмечает визуальное сходство хозяйки с ним самим, ведь у него тоже темные волосы и глаза, нехарактерные для жителей Англии.

Однажды, сидя наедине с ней за чаем, Сосэки замечает «одиноким нарцисс, стоящий на каминной полке в тускло освещенной комнате, куда как будто никогда не проникал солнечный свет» [19]. Хозяйка внезапно объявляет, что она француженка, а не британка, на что Сосэки замечает: «Подняв свои черные глаза и оглянувшись на нарцисс, она сказала мне, что в Британии пасмурно и невыносимо холодно. Вероятно, она хотела сказать, что даже цветы здесь из-за этого некрасивые» [19]. В конце концов она делится со своим новым постояльцем превратностями семейных отношений, рассказывая о недавней смерти матери, натянутых отношениях её отчима-немца и его сына, которые оба живут в её доме, о том, что имущество её покойной матери отошло к отчиму. Сосэки описывает эту несчастную, потерявшую надежду домовладелицу так, что создается впечатление, что она так же изолирована от английского общества как и сам рассказчик, одинока и не имеет настоящей семьи и друзей в чужой стране. Однако отождествление Сосэки с этой женщиной, выброшенной на обочину жизни английского общества, скорее усиливает его чувство изоляции в Англии, чем нивелирует его ощущение инаковости.

Сосэки также обнаруживает, что неосознанно отождествляет себя со своей третьей лондонской квартирной хозяйкой, женщиной, управляющей общарпанным пансионом неподалеку от Камберуэлл-роуд на юго-востоке Лондона. В эссе «Новости из Лондона» Сосэки описывает хозяйку как соро-

калетнюю женщину, которая недавно вышла замуж за мужчину гораздо моложе себя; она и ее младшая сестра раньше руководили школой для девочек, но были вынуждены закрыть ее из-за вспышки болезни среди учениц. Сестры были абсолютно не квалифицированы, чтобы руководить школой, отмечает Сосэки; они просто пытались найти некий условно благопристойный способ поддержать себя финансово. Пансион был ненамного успешнее школы; Сосэки был их единственным постояльцем, и, несмотря на их неоднократные просьбы, не мог помочь им найти других жильцов. Наблюдения Сосэки за попытками женщин удержаться на уровне жизни среднего класса отражают ухищрения и унижения, на которые подобные люди обречены в условиях экономического кризиса, и он, в свою очередь, отмечает, насколько изменился его уровень жизни с момента прибытия из Японии в Лондон. Сосэки пишет, что у него «глубокое ощущение, что я уже не тот человек, которым был в Японии, а просто студент» [18]. Он сравнивает свой дом и слуг в Японии со своим нынешним обездоленным существованием студента в Камберуэлле – трущобах, населенных проститутками и бродягами. Описание Сосэки своей квартирной хозяйки, ее семьи и их житейских перипетий перекликается с его собственным опытом изоляции, финансовых трудностей и отчаяния.

Тем не менее, несмотря на то, что Сосэки идентифицирует себя с этими женщинами, это не означает, что они видят в нем равного себе человека. Впервые, женщины, с которыми он встречается, от домовладелиц до миссионерок и японофилок, ведут себя с ним снисходительно, пытаются объяснить ему элементарные понятия в английском языке, которые он прекрасно знает, будучи учителем английского языка. Существует также проблема «миссионерского порыва», которая преследует Сосэки при его встречах с английскими женщинами. Сосэки описывает одну из таких встреч с женщиной, которая «глубоко верит в Христа и, следовательно, её невозможно остановить. Она очень пространно рассуждала о божественной добродетели. Это по-настоящему утонченная, грациозная пожилая дама. Но она спросила, знакомо ли мне слово “эволюция”. Она будто проповедовала младенцу» [18]. Обращение в свою веру также становится одним из способов, с помощью которого английские женщины отмечают Сосэки как «чужака».

Таким образом, очевидно, что попытки интеграции японского *ути* в английское *сото* в случае Сосэки заканчиваются крахом, он по-прежнему чувствует себя одиноким и отчужденным от английского общества. Его жизнь в Лондоне, по его собственным наблюдениям, больше всего похожа на жизнь английских женщин, которых он встречает на своем пути, но идентификация с ними носит неоднозначный характер и являет пример ориенталистского феномена, при котором восточный мужчина не способен выполнять функции маскулинной фигуры в западном мегаполисе.

Опыт пребывания за границей нашел несомненное отражение в раннем творчестве Мори Огай и Нацумэ Сосэки в контексте репрезентации концептуальной диады *ути/сото*. Очевидно, что этот опыт был фактически диаметрально противоположным, в чём сыграла одну из основных ролей разница в финансовом обеспечении и социальном статусе Огай и Сосэки.

В случае с Огай, герои его произведений, молодые японцы, не испытывают каких-либо видимых помех для интеграции с немецким *soto* со стороны него самого – этому может помешать либо давление японского общества («Танцовщица»), либо смерть («Пузыри на воде»). В случае же с Сосэки такая интеграция невозможна априори, поскольку писатель ощущает себя ничтожным, недостойным и несоответствующим стандартам английского *soto*, а его попытки идентификации с английскими женщинами лишь усугубляют чувства одиночества, отчужденности и неполноценности.

Список источников

1. *Pue T.* Деловое письмо как отражение особенностей картины мира (на материале русского и японского языков) // Иностранные языки в высшей школе. 2019. № 1. С. 70–77.
2. *Розова О.А.* «Свой – чужой» в родственных отношениях в японском языке // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 238–241.
3. *Марцинкевич К.А.* Высококонтекстность японской культуры // Наукосфера. 2023. № 1. С. 34–38.
4. *Нелюбин П.Г.* «Свои» и «чужие» в эпоху Мэйдзи: антихристианская общественно-политическая мысль в Японии // Дневник алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 94–102.
5. *Чечеткина Е.А.* Концепт «ути – сото» в современном японском обществе // #SCIENCEJUCE2020 : сб. ст. и тез. студ. открытой онлайн-конференции, Москва, 23–27 ноября 2020 г. М., 2021. С. 245–249.
6. *Иванова Г.Д.* Мори Огай. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 251 с.
7. *Новикова О.С.* Самоидентификация в Японии // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2012. Т. 6, № 2. С. 94–99.
8. *Аркеева Ю.Е.* Концептуальная оппозиция «Свой – Чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 2, № 4. С. 793–801.
9. *Lebra T. S.* Japanese Patterns of Behavior. University of Hawai'i Press, 1976. 318 p.
10. *Санина К.Г.* Дихотомия *ути / сото* и инверсия гендерных ролей в рассказе Нагаи Кафу «Длинные волосы» // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 1. С. 44–51.
11. 森鷗外 [Мори Огай]. 独逸日記 [Немецкий дневник]. 鷗外全集 [Полное собрание сочинений Мори Огай]. 東京 [Токио]: 岩波書店 [Издательство Иванами сэтэн], 1937. Т. 20. 629 с. (На яп. яз.)
12. 佐藤春夫 [Сато Харуо]. 森鷗外のロマンティシズム [Романтизм Мори Огай]. 群像 [Гундзо]. 1949. № 4. С. 1–12. (На яп. яз.)
13. *Brazell K.* Mori Ogai in Germany. A Translation of Fumizukai and Excerpts from Doitsu Nikki // Monumenta Nipponica. 1971. Vol. 26, № 1/2. P. 77–100.
14. *Nakai Y.* Mori Ogai's German Trilogy: A Japanese Parody of Les Contes d'Hoffmann // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1978. Vol. 38, № 2. P. 381–422.
15. 唐木順三 [Караки Дзюндзо]. 森鷗外 [Мори Огай]. 東京 [Токио]: 世界評論社 [Издательство Сэкай хёронся]. 1949. 239 с. (На яп. яз.)
16. *Луцицкая С.И.* Проблема «своих» и «чужих»: к постановке вопроса // Мы и они. Конформизм и образ «другого». Сборник статей на тему ксенофобии. М., 2007. С. 119–133.
17. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 文学論 [Теория литературы]. 東京 [Токио]: 講談社 [Издательство Коданся], 1979. 289 с. (На яп. яз.)
18. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 倫敦消息 [Новости из Лондона]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/779_14973.html (дата обращения: 10.11.2024). (На яп. яз.)

19. 夏目漱石 [Нацумэ Сосэки]. 永日小品 [Очерки о долгих весенних днях]. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/758_14936.html (дата обращения: 10.11.2024). (На яп. яз.)

References

1. Rie, T. (2019) Delovoe pis'mo kak otrazhenie osobennosti kartini mira (na materiale russkogo i yaponskogo yazykov) [Business letter as a reflection of the worldview' peculiarities (based on the material of the Russian and Japanese languages)]. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole*. 1. pp. 70–77.
2. Rozova, O.A. (2022) "Svoy – chuzhoy" v rodstvennykh otnosheniyakh v yaponskom yazyke ["Insider – outsider" in kinship relations in the Japanese language]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovanie*. 11. pp. 238–241.
3. Martzinkevich, K.A. (2023) Vysokokontekstnost' yaponskoy kultury [The high contextuality of Japanese culture]. *Naukosfera*. 1. pp. 34–38.
4. Nelyubin, P.G. (2020) "Svoy" I "chuzhie" v epokhu Meidzi: antikhristsianskaya obshestvenno-politicheskaya mysl' v Yaponii ["Insiders" and "outsiders" in Meiji era: anti-Christian socio-political thought in Japan]. *Dnevnik altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy*. 36. pp. 94–102.
5. Chechyotkina, E.A. (2021) [Concept "uchi–soto" in modern Japanese society]. #SCIENCEJUICE2020. Proceedings of Students' Open Online Conference. Moscow. 23–27 November 2020. Moscow: Moscow Pedagogical State University. pp. 245–249. (In Russian).
6. Ivanova, G.D. (1982) *Mori Ogai*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
7. Novikova, O.S. (2012) Samoidentifikatsiya v Yaponii [Self-identification in Japan]. *Vestnik NGU. Seriya: Psikhologiya*. 6 (2). pp. 94–99.
8. Arkeeva, Yu.E. (2022) Kontseptual'naya oppozitsiya "Svoy – Chuzhoy" v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Conceptual opposition "Insider – Outsider" in Chinese language worldview]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2 (4). pp. 793–801.
9. Lebra, T. S. (1976) *Japanese Patterns of Behavior*. University of Hawai'i Press.
10. Sanina, K.G. (2024) Dikhomiya *uchi / soto* i inversiya gendernykh roley v rasskaze Nagai Kafu "Dlinnye volosy" [Dichotomy *uchi / soto* and inversion of gender roles in Nagai Kafu's "Long Hair"]. *Dal'nevostochnyy filologicheskyy zhurnal*. 2 (1). pp. 44–51.
11. Mori, O. (1937) *German Diary. Complete Works*. Vol. 20. Tokyo: Iwanami shoten. (In Japanese).
12. Sato, H. (1949) Mori Ogai's Romanticism. *Gunzo*. 4. pp. 1–12. (In Japanese).
13. Brazell, K. (1971) Mori Ogai in Germany. A Translation of Fumizukai and Excerpts from Doitsu Nikki. *Monumenta Nipponica*. 26 (1/2). pp. 77–100.
14. Nakai, Y. (1978) Mori Ogai's German Trilogy: A Japanese Parody of Les Contes d'Hoffmann. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 38 (2). pp. 381–422.
15. Karaki, J. (n.d.) *Mori Ogai*. Tokyo: Sekai hyoronsha. (In Japanese).
16. Luchitskaya, S.I. (2007) Problema "svoikh" i "chuzhikh" : k postanovke voprosa [The problem of "insiders" and "outsiders" : to the question formulation]. In: Ryabinin, A.L. et al. (eds) *My i oni. Konformizm i obraz "drugogo"*. *Sbornik statey na temu ksenofobii* [We and they. Conformism and the image of "other". A collection of articles on xenophobia]. Moscow: Knizhnyy dom Universitet.
17. Natsume, S. (1979) *Theory of Literature*. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
18. Natsume, S. *Letter from London*. [Online] Available from: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/779_14973.html (Accessed: 10.11.2024). (In Japanese).
19. Natsume, S. (2024) *Spring Miscellany*. [Online] Available from: https://www.aozora.gr.jp/cards/000148/files/758_14936.html (Accessed: 10.11.2024). (In Japanese).

Информация об авторе:

Санина К.Г. – канд. филол. наук, доцент кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: sanina.kg@dvfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.G. Sanina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sanina.kg@dvfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2024;
одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 15.11.2024;
approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 31.10.2025.*